

“Маленькие трагедии” Пушкина, как план-схема главных романов Достоевского.

Сергей Шавырин¹

¹Email: serge.shavirin@phystech.edu

АННОТАЦИЯ Смысловые параллели между “Маленькими трагедиями” Пушкина и главными романами Достоевского ставят множество вопросов о том, кто истинный автор всех этих произведений и с какой целью они были написаны. Переработанная глава из книги “По ту сторону Пушкина”.

О моя дорогая, моя несравненная леда,
Ледокол мой печален, и штурман мой смотрит на юг.
И представьте себе, что звезда из созвездия Лебедь
Непосредственно в медную форточку смотрит мою.
Непосредственно в эту же форточку ветер влетает,
Называвшийся в разных местах то муссон, но пассат,
Он влетает и с явной усмешкою письма читает,
Не отправленные, потому что пропал адресат...

Юрий Визбор. “Моя дорогая леда”

Самая яркая звезда созвездия Лебедь это Денеб. В китайской любовной истории Ци Си, Денеб символизирует мост через Млечный путь, позволяющий влюблённым Нью Лан (Альтаир) и Чжи Нью (Вега) воссоединяться одной ночью в году, приходящейся на конец лета. По другой версии истории, Денеб — фея, выступающая в роли дуэньи при встрече влюблённых на этом мосту. Созвездие Лебедя имеет вид креста.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Как такое вообще возможно?	1
Сравнение “Маленьких трагедий” и книг Достоевского.	2
1. “Моцарт и Сальери” ⇔ “Преступление и наказание”	2
2. “Каменный гость” ⇔ “Идиот”	4
3. “Пир во время чумы” ⇔ “Бесы”	5
4. “Скупой рыцарь” ⇔ “Подросток”	6
5. “Сцена из Фауста” ⇔ “Братья Карамазовы” . .	7
Итоги. Полифония и монофония.	8

ПРЕДИСЛОВИЕ. КАК ТАКОЕ ВОООЩЕ ВОЗМОЖНО?

Темы “Маленьких трагедий” Пушкина выбраны не случайно, а подчинены строгой тематической закономерности. Каждая трагедия соответствует одному из главных романов “пятикнижия Достоевского”, являясь своеобразным расширенным эпиграфом к соответствующему роману. Данная статья посвящена подробному описанию этого наблюдения. Судя по дневниковым записям Пушкина весь цикл “Маленьких трагедий” был создан во время “Болдинской осени” 1830 года чуть больше, чем за две

недели¹. Осенью 1830 года поэт готовился к свадьбе с Натальей Гончаровой, написав “Повести Белкина” и “Маленькие трагедии” скорее из денежных соображений, чем сильно задумываясь об их идеологическом контексте. В то же время Анна Ахматова заметила, что “быть может, ни в одном из созданий мировой поэзии грозные вопросы морали не поставлены так резко, как в “Маленьких трагедиях” Пушкина”².

Если Пушкин написал “Маленькие трагедии” за 14 дней, Достоевский создавал своё “пятикнижие” 14 лет. Невозможно предположить, что тематическая последовательность романов Достоевского была строго запланирована с самого начала, но, имея перед собой тексты “Маленьких трагедий”, строгая план-схема тематического наполнения романов Достоевского ясно просматривается. Если такая странная корреляция действительно существует, а я постараюсь показать, что это действительно так, можно сделать только один вывод — *ни Пушкин, ни Достоевский не были авторами своих произведений*. Они выступили в роли “пророков”, то есть записывали на бумаге информацию каким-то гипнотическим образом переданную им неким внеземным сверх-разумом, имеющем тем не менее вполне земное происхождение. Прямым аналогом такого разума является Солярис из известного научно-фантастического рассказа Станислава Лема. И если люди гипнотизёры как Вольф Мессинг способны внушать кому угодно произвольную информацию³, то, чего можно ожидать от сверх-разума типа Солярис. Идея “пророка, передающего откровение”, возникла впервые в рамках иудейской религии. В исламе главным

¹ Устюжанин Д. А. Маленькие трагедии А. С. Пушкина. — М.: Художественная литература, 1974с. 14-15.

² А. А. Ахматова. “Каменный гость” Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. — Изд-во АН СССР 1958. — Т. 2. — С. 185-195.

³ Вольф Мессинг. О самом себе. — М.: 1965.

пророком считается Мухаммед. Предания рассказывают, что, не умея читать и писать, он продиктовал своим последователям Коран, язык которого до сегодняшнего дня является эталоном арабского. Другой пример связан с картой Пири Рейса, созданной в 1513 году в Константинополе (Османская империя) турецким адмиралом и любителем картографии Пири-рейсом⁴ (полное имя — Хаджи Мухиддин Пири ибн Хаджи Мехмед). Вокруг этой карты множество споров, однако почти строго доказано, что единственным способом создать такую карту была аэрофотосъёмка, очевидно невозможная в начале XVI века и карта использовала знание сферической тригонометрии, разработанной только в XVIII веке. Центром сферических координат карты Пири Рейса, своеобразным её эпицентром, является точка расположения Египетских пирамид и Сфинкса. Но самое интересное — на этой карте показана береговая линия материка Антарктиды, открытого в 1820 году, причём эта линия на карте отражает побережье *подлёдной* части материка, детально исследованной только в конце 1950-х годов американскими учёными.

В 1979 году, режиссёром Михаилом Швейцером на киностудии Мосфильм был снят трёхсерийный телевизионный художественный фильм “Маленькие трагедии”, посвящённый 150-и летию Болдинской осени Пушкина. Все трагедии в этом фильме объединены темой повести “Египетские ночи”, а своеобразным эпиграфом к фильму служит трагедия Пушкина “Сцена из Фауста”, не входившая в главный цикл, написанный в Болдино, но логически прямо связанная с ним. В “Египетских ночах” возникает поэт-импровизатор, способный превратить в стихи любую чужую мысль. Самого импровизатора занимают только меркантильные соображения. Чарский задаёт ему тему “поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением”. Тема провокационна — никто не имеет права управлять вдохновением поэта и в то же время импровизатор должен сочинить стихи на заказ. Создав стихи для Чарского, гениальный импровизатор отказывает себе в праве называться “поэтом”. Эпиграфом к главе “Египетских ночей”, где импровизатор проявляет своё творчество, взята цитата из оды Державина “Бог”:

Я царь, я раб, я червь, я бог.

Кто такой “пророк”, если не творит сам, а лишь передаёт чужие слова “откровения”? Его жизнь и стихи только косвенно связаны между собой. Он “царь”, поскольку может всё и в то же время он “раб”, поскольку это “всё” ему самому не принадлежит, он лишь выполняет чужой заказ. Пушкин пишет о свободе творчества и в то же время его стихи это буквальный “дар свыше”. В фильме Швейцера все “Маленькие трагедии” являются продуктом выполненных заказов импровизатора, что в точности совпадает

с тем, что я хочу продемонстрировать — *Пушкин не писал своих произведений сам*. Если задаться вопросом, как некий сверх-разум мог бы доказать аутентичность своего продукта, то лучшего способа не найти — один писатель за две недели создал план-схему для всего творчества другого. Если это так, то авторство сверх-разума доказана и оба писателя — “пророки”. Ни Пушкин, ни Достоевский не могли даже предполагать, что их творчества объединены в единый логически самосвязанный продукт.

“Пятикнижие” Достоевского включает пять его главных романов — “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Бесы”, “Подросток” и “Братья Карамазовы”. Первым четырём романам соответствуют четыре маленькие трагедии из “Болдинской осени”. “Сцена из Фауста”, стоящая отдельно дополняет цикл до логического завершения. Это стихотворение было напечатано в один год с первой главой “Евгения Онегина” и скучающий Фауст созвучен скучающему Евгению, но отнюдь не Фаусту Гёте. Пушкинский Фауст заказывает потопить испанский корабль с модной болезнью на борту из-за того, что он просто не может сидеть и скучать, как по мнению Мефистофеля скучает “вся разумная тварь”. Невозможность проявить себя приводит к желанию действовать любым способом, даже самым нелогичным и деструктивным. У Евгения Онегина скука проходит только после того, как он встречает препятствие, которое неспособен преодолеть — отказ Татьяны в восьмой главе. В фильме Швейцера роль Мефистофеля играет актёр, внешне сильно напоминающий Пушкина. В романе Чарльза Метьюрина “Мельмот Ски-талец”, часто упоминаемого в творчестве Пушкина, за гибелью *испанского* корабля наблюдают двое: студент Джон Мельмот, приехавший к дяде за наследством подобно Евгению Онегину и его демонический тёзка.

Пять первых цифр, соответствующих пяти книгам Достоевского и трагедиям Пушкина могут стать неким символическим аналогом первых пяти заповедей представленного “откровения”.

СРАВНЕНИЕ “МАЛЕНЬКИХ ТРАГЕДИЙ” И КНИГ ДОСТОЕВСКОГО.

1. “Моцарт и Сальери” ⇔ “Преступление и наказание”.

Схожесть этих произведений начинается с названия — два слова через “и” соединяют вместе две противоположности. Моцарт символизирует талант и “вольное искусство”, а Сальери — выгоду и “презренную пользу”. Главной темой трагедии является преступление, совершенное с целью достижения блага, которое Сальери разрешает себе “по совести”. Стоит ли “всеобщее счастье” крови одного замученного невинного ребёнка? А сколько стоит? Оправдывая убийство Моцарта, Сальери приводит пример Микель Анджело Бонаротти. Было распространено предание, что он умертвил натурщика, чтобы естественнее изобразить умирающего Христа⁵. Стоит ли смерть

⁴Stiebing, William H., Jr. (1984), *Ancient Astronauts, Cosmic Collisions and Other Popular Theories about Man's Past*, Amherst, New York: Prometheus Books, ISBN 0-87975-285-8

⁵Во времена Пушкина эта легенда была весьма распространена. Вот, например, отрывок из “Писем русского путешественника” Н.М. Ка-

натурщика естественности изображения? Исторический Сальери никогда не убивал Моцарта — это хорошо доказано⁶, но слухи о этом довели Сальери до психологической болезни. Трагедия Пушкина сделала Сальери символом завистливой ничтожности. Миф победил реальность. Моцарт восклицает:

Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.

Это отсылает к библейской фразе “много званых, а мало избранных” из притчи о брачном пире⁷. У Достоевского отсылка к этой притче происходит в поэме Ивана Карамазова “Великий Инквизитор” из книги “Братья Карамазовы”. Доказывая своему собеседнику правильность своих действий, Инквизитор говорит:

Ты обещал им хлеб небесный, но, повторяю опять, может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагородного людского племени с земным? И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то, что станет с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных?

Для всеобщей пользы, как её понимает Инквизитор, он совершил то, что сделал и должен убить своего собеседника, как это сделал Сальери. В самом конце трагедии Сальери восклицает “И не был убийцею создатель Ватикана?”. Ради того, чтобы религия могла существовать живой и творческий человек должен быть заменён на образ, которому даже не позволено сказать и единого слова. При сотворении кумира всегда происходит убийство реальности во имя “всеобщего блага”. Ни одна религия не может быть основана на историях живых и реальных людей, а только, как объяснял Великий Инквизитор, на трёх главных силах “единственных сил на земле, могущих навеки победить” — чуде, тайне и авторитету. Можно ли оправдать убийство целью которого является создание мировой христианской цивилизации? Предположим, талантливый поэт и сказочник, живший на Руси в Средние Века, создавший “Слово о полку Игореве”, был превращён в бессловесного “Святого”, да так, что никто до сих пор не может найти реального автора “Слова о

рамзине: “Показывая Микель-Анджелову картину Распятия Христова, рассказывают всегда, будто бы он, желая естественнее представить умирающего Спасителя, умертвил человека, который ему служит моделью, но анекдот сей совсем невероятен”. Помимо книги Карамзина, литературоведы отыскивали еще несколько источников, откуда мог почерпнуть Пушкин “сей анекдот”. Это роман маркиза де Сада “Жюстина, или Заключение добродетели”, поэма де Мьера “Живопись” и “Распятие” А. Шамиссо, “История живописи в Италии” Стендаля.

⁶Deutsch O. E. Mozart, a Documentary Biography (англ.). — Stanford: Stanford University Press, 1966. — С. 522, 524. — 692 с. — ISBN 978-0804702331

⁷Лк. 14:16-24

полку Игореве”. Эту гипотезу я рассмотрел в своей книге “Не сотвори кумира”⁸. Может ли такое историческое убийство оправдать задачу укрепления и объединения нового Московского государства? Да? Вот мы и оправдали поступок Сальери.

Тематика последней книги Достоевского “Братья Карамазовы” возвращает к первой – “Преступление и наказание”. Можно ли совершать убийства “по совести”, когда цель оправдывает средства? Закольцованность книг Достоевского говорит о том, что его творчество — это единый и законченный продукт. Наиболее популярно идею “цель оправдывает средства” объясняет в книге “Преступление и наказание” студент в кабаке:

— Позволь, я тебе серьёзный вопрос задать хочу, — загорячился студент. — Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрёт. Понимаешь? Понимаешь?

— Ну, понимаю, — отвечал офицер, внимательно уставясь в горячившегося товарища.

— Слушай дальше. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обречённые в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасённых от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических болезней, — и всё это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасённых от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает: она намеревалась Лизавете палец со зла укусила; чуть-чуть не отрезали!

— Конечно, она недостойна жить, — заметил офицер

Вопросы, которые постоянно задаёт себе Родион Раскольников и хочет проверить на реальном деле – “Тварь я дрожащая или право имею?”, “Смею ли нагнуться и взять?” В книге “Преступление и наказание” описан пример убийства, которое вполне могло бы быть оправдано обществом, как вполне целесообразное. Сестра Раскольникова Дуня стреляет из пистолета в Свидригайлова, предположительно желающего её изнасиловать. Он лишь испытывал Дуню, однако её действия суд вполне бы принял за самозащиту. Если бы девушка его застрелила, то суд и, наверное, многие читатели были бы на её стороне. Благодаря резко негативному общественному имиджу Свидригайлова, все бы только обрадовались его смерти и сказали вслух или про себя “Правильно сделала Дуня, что убила. Так ему!”. Негативный имидж: злая, ненужная старушонка или развратный Свидригайлов

⁸Сергей Шавырин “Не сотвори кумира”, ISBN 978-5990611405

определяют лицензию на убийство. Убив Свидригайлова, Дуня помогла бы ему, поскольку он уже сам готовился закончить жизнь самоубийством. При этом, Дуня избавила бы его от “смертного греха”, взяв на себя ответственность за убийство, которое бы ей простили.

Понятие “этического закона” впервые возникает в ветхозаветных текстах и связано с “заповедями”, ниспосланными свыше, как часть договора или “завета” некоей высшей инстанции, сверх-разума, с людьми. По логике религиозного учения, заповеди необсуждаемы и являются абсолютной истиной. Требование “Не убий”, определяет убийство абсолютным нравственным злом, но в реальности всё оказывается значительно сложнее. Если, задача заключается в том, чтобы понять, что “хорошо”, а что “плохо” и некий “иной разум” далеко ушедший в своём развитии желает помочь в этом разобраться, как он должен это делать? Дилемма Евтифрона⁹, сформулированная в “Диалогах” Платона гласит:

Выбирают ли боги добро, потому что оно благое, либо же добро — благое, потому что выбрано богами?

В первом случае этика формируется независимо от богов. Во втором случае мораль может зависеть от случайной прихоти. Если богов придумали люди, то божественная мораль может преследовать некие частные корыстные интересы какой-то одной социальной или этнической группы, особенно в случае богов с национальной ориентацией. Если “мой бог” считает добром одно, а твой другое, как же нам в таком случае договориться? Поэтому любая этика должна формулироваться объективно и независимо от каких-либо богов, даже если её формулирует сверх-разум. “Моцарт и Сальери” начинается с восклицания Сальери:

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.

Прав ли был создатель христианства и Ватикана пожертвовав своим “единородным сыном” для всеобщего блага¹⁰, ведь если павшее зерно умрёт, то принесёт много плода¹¹? Первая книга пятикнижия Достоевского, “Преступление и наказание”, определяет **Число “1”** — существо и природу объективного нравственного закона.

2. “Каменный гость” ⇔ “Идиот”

Образ севильского обольстителя Дона Гуана впервые появляется в комедии испанского драматурга Тирсо де Молина “Севильский обольститель, или Каменный гость”.

⁹G.W. Leibniz stated, in Reflections on the Common Concept of Justice (circa 1702): “It is generally agreed that whatever God wills is good and just. But there remains the question whether it is good and just because God wills it or whether God wills it because it is good and just; in other words, whether justice and Goodness are arbitrary or whether they belong to the necessary and eternal truths about the nature of things.”

¹⁰Ин 3:16

¹¹Ин 12:24

Похожие сюжеты воплощались многими авторами: Мольером, Гольдони, Гофманом, Байроном, Грабе. Считается, что Пушкин написал свою пьесу “Каменный гость” после того, как увидел русскую версию оперы “Дон Жуан” Моцарта. Непобедимый и самонадеянный Дон Гуан гибнет от рукопожатия Каменной статуи, некоего бесчувственного объекта, не имеющего с жизнью ничего общего. Статуя — это мёртвый слепок с умершего командора. Похожий образ возникает у Пушкина в поэме “Медный всадник”, когда статуя Петра I оживает и преследует по ночным улицам Петербурга несчастного Евгения.

Вторая заповедь из Библии гласит “Не сотвори себе кумира”¹². В отличие от живого человека образ, созданный в мечтах, имеет к реальности только косвенное отношение. Образ виртуален и бестелесен. Его нельзя убить шпагой или пистолетом, но он способен направлять дела и мысли людей. В мире, наполненном образами, живой человек имеет второстепенное значение, он противопоставлен некому суррогату, основанному исключительно на “хлебах”, “чуде” и “мече кесаря”. “Вольное искусство” девальвируется в пользу богатства, имиджа или социального статуса в обществе. В некоторых сказках возникает ситуация, когда герой борется с противником в зеркальной комнате. Прежде чем уничтожить соперника, он вначале должен разбить все его образы — отражения в зеркалах. Когда гибнет очередное отражение в зеркале, это не причиняет никакого вреда человеку и только когда зеркал не остаётся можно ударить уже по живому, оставшемуся незащищённым. Такая битва происходит в фильме с участием Брюса Ли “Выход дракона”.

Вторая книга Достоевского – **Число “2”**, определяет роль кумиров в жизни общества. В начале книги “Идиот”, князь Мышкин появляется в виде полуглупого “бедного родственника” и отношение к нему окружающих складывается в соответствии с этим имиджем. Резкое изменение отношения к Мышкину возникает сразу после того, как оказывается, что он владелец большого состояния, полученного по завещанию от умершего родственника. Сам Мышкин, его фактическое содержание, при этом остаётся неизменным: меняется только образ. Когда князь предстаёт при первой встрече перед Настасьей Филипповной как есть, то она принимает его за слугу. И только потом, отождествив Мышкина со своими давними мечтами “о прекрасном принце”, она возводит его в свои кумиры. При этом реальный человек имеет к самой мечте лишь отдалённое отношение. Реального и чувственного из плоти и крови Рогожина она в упор не видит: такой человек ей не нужен. Для Мышкина, Настасья Филипповна тоже образ, он видел её “где-то во сне”, реальная женщина ему тоже совсем не нужна.

В самом начале литературной деятельности Достоевский остро ощутил резкое изменение отношения к нему общества из-за изменения своего имиджа. Вначале, прочитав повесть “Бедные люди”, Белинский заявил: “новый Гоголь явился”¹³. Из бедного студента в один день Досто-

¹²Исх. 20:4

¹³Ф.М. Достоевский, “Дневник писателя” январь 1974 года

евский превратился в популярного и известного писателя. Вскоре после этого, “новый Гоголь” тем же Белинским был низвергнут с пьедестала.

Если в трагедии “Каменный гость” образ представлен в виде всемогущей каменной статуи, то в “Идиоте” главный герой слабый болезненный князь с мышшиной фамилией и звучным именем “Лев”. Одна из интерпретаций названия романа “Идиот” — это “Болван”. В словаре Даля “болваном” называют истукана, статую, идола, языческого изваянного бога, что вполне соответствует теме “Не сотвори себе кумира”. И хотя внешне князь Мышкин далёк от статуи командора, по существу, с точки зрения “второй заповеди”, это одно и то же. Создание кумира, в которого так просто влюбиться – не это ли было целью убийства “единородного сына”, понравившегося только малому числу “избранных”. Но можно ли победить статую командора?

3. “Пир во время чумы” ⇔ “Бесы”

Образ “Пира” Пушкин взял из стихотворения Баратынского “Пир”. В реальной жизни “хлеб земной” всегда ближе, слаще и приятнее “хлеба небесного”. Человек может быть обманут сердцем, рассудком, но желудок никогда не обманывает. Во времена безжизненного безвременья душа оказывается согретой только “стуком чаш”. Построить новое идеологическое учение только на благах “хлеба небесного”, как ясно объяснил Великий Инквизитор, практически невозможно. Достоинства поэзии изменяют и улетают “подобно утреннему сну”. Кто будет верить в то, что не оплачено звонкой монетой? Стихотворение Баратынского заканчивается словами:

Пуškai на век исчезла младость,
Пируйте, други: стуком чаш
Авось приманенная радость
Еще заглянет в угол наш...

Действие трагедии “Пир во время чумы” происходит во времена мрачного средневековья, когда посреди тысяч горящих на кострах врагов христианской веры правит бал Великий Инквизитор. Имя председателя “Вальсингам” немного напоминает имя “Воланд”. Идея “Пира” ассоциируется с известным “Пиром Вальтасара”¹⁴. Согласно книге Даниила, Вальтасар был последним халдейским правителем Вавилона. Навуходоносор называется его отцом. В ночь взятия Вавилона, на своём последнем пире, Вальтасар использовал для еды и напитков священные сосуды, вывезенные отцом из Иерусалимского храма. В разгар веселья на стене появились начертанные таинственной рукой строки, которые Даниил истолковал, как послание от бога, информирующее о скорой гибели Вальтасару и его царству. В ту же ночь Вальтасар погиб. Христианское учение использовало для своих Пиров писания иудейских литераторов. Иешуа в трагедии можно ассоциировать с Джаксоном “чи шутки, повести смешные застольную беседу оживляли”, а погибший народ, создавший христианство, с умершей женой Вальсингама. Опираясь на

“хлеба”, “чудо” и “меч кесаря”, религия “восславляет царствие Чумы”. Стихи Вальсингама немного созвучны стихотворению Баратынского, в безжизненные лета можно дать веру только Пирам.

История возникновения коммунистической диктатуры повторяет историю христианства. Сталин создал культ личности Ленина подобно тому, как Святой Павел, создал культ личности Иисуса¹⁵. Максим Горький стал основателем “социалистического реализма”, который правильнее назвать “социалистической утопией” также, как Святой Пётр стал первым “римским папой”. Семьдесят лет третья часть земного шара молилась на заветы “коммунистической троицы” – Маркса, Энгельса и Ленина. Многие из тех, кто лично создавал новое социалистическое государство были расстреляны в ГУЛАГ-е в годы репрессий. И вместе с расстрелами, репрессиями и подавлением всякого инакомыслия всюду были лозунги, транспаранты и демонстрации, прославлявшие великое советское государство и социалистический образ жизни – пир во время чумы. Так Великий Инквизитор царствует среди сожжённых врагов христианства.

Все эти явления могли возникнуть только потому, что люди больше верят своим чувствам, чем объективной реальности и фактам. Традиционного “бога” в рамках сознания и научного образа мышления существовать не может. Это предмет “веры”, имеющей исключительно чувственный характер. “Научный бог”, если таковой существует, не может иметь ничего общего с религией и верой. Адольф Гитлер смог превратить немецкую нацию в оружие массового уничтожения только благодаря воздействию на чувства людей. Только чувственному отношению к реальности можно объяснить массовые репрессии времён Сталинской диктатуры. В третьей главе “Евгения Онегина” влюблённая Татьяна сравнивается с “бедным мотыльком”, который блещет и бьётся в руках школьного шалуна. Чувства человека – это то, что составляет его суть. Человек без чувств мёртв. Разве Татьяна виновна, что любит?

За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведаёт обмана
И верит избранной мечте?
За то ль, что любит без искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что так доверчива она,

Легкомыслие страстей Татьяны простить можно, но можно ли простить легкомыслие страстей толпы, идущей на поводу умелых творцов общественного мнения? В книге “Бесы” Достоевский описывает революционные кружки, ставившие своей задачей социальное переустройство в России. Изображение революционеров карикатурно, однако хорошо демонстрирует как в умелых руках “бедный мотылёк” может превратиться в грозное оружие уничтожения основ всего общества. В “Бесах” Петр Верховенский так объясняет Ставрогину свой план:

¹⁵см. напр. Hans Lietzmann. A History of the Early Church (нем. Geschichte der Alten Kirche) Vol 1 p.206

¹⁴Дан. 5:1—31

Я вам скажу сейчас, кто я такой, к тому и веду. Недаром же я у вас руку поцеловал. Но надо, чтоб и народ уверовал, что мы знаем, чего хотим, а что те только “машут дубиной и бьют по своим”. Эх, кабы время! Одна беда — времени нет. Мы провозгласим разрушение... почему, почему, опять-таки, эта идея так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Тут каждая шелудивая “кучка” пригодится. Я вам в этих же самых кучках таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут да еще за честь благодарны останутся. Ну-с, и начнётся смута! Раскачка такая пойдёт, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?

— Кого?

— Ивана-Царевича.

— Кого-о? — Ивана-Царевича; вас, вас!

Ставрогин подумал с минуту.

— Самозванца? — вдруг спросил он, в глубоком удивлении смотря на испуганного. — Э! так вот наконец ваш план.

Чувства Вальсингама под влиянием всеобщей беды молчат. Сенека заметил: “Только малая печаль говорит, большая — безмолвна”. Ставрогин в прощальном письме к Дарье Павловне пишет:

Я пробовал везде мою силу. Вы мне советовали это, “чтоб узнать себя”. На пробах для себя и для показу, как и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась беспредельною.

Чувства – самая уязвимая сторона человеческой психики и сила Ставрогина безгранична именно, потому что он лишён чувств. Однако без чувств человеческая жизнь лишена смысла и самоубийство Ставрогина оказывается вполне естественным. **Число “3”** должно соответствовать теме чувств и той роли, которые чувства отдельного человека и толпы играют в управлении общественным мнением. Эпиграфом к роману “Бесы”, Пушкин взял строки из стихотворения Пушкина “Бесы” и цитату из Евангелия, где Иисус излечивает бесноватого, выведя из него бесов в свиней¹⁶. Существуют злокачественные чувства или чувствительные резонансные частоты, способные сильно влиять на сознание. Если дать вволю насладиться этими чувствами, перебеситься ими, ужаснувшись от результатов этого мероприятия, второй раз на те же грабли никто не наступит. Государство, прошедшее через полосу гражданских войн, переворотов и революций, особенно во времена критических надломов, значительно стабильнее того, что всегда жило в мире и согласии. Вальсингам в своих стихах сравнивает чуму с зимой. Когда на улице зима, то “навстречу ей трещат каминные и весел зимний жар пиров”. Ставрогин сам – холодная зима и его опыт это возможность перебеситься полным отсутствием чувств.

4. “Скупой рыцарь” ⇔ “Подросток”

В книге Достоевского “Подросток”, Аркадий Долгорукий так вспоминает “Скупого рыцаря”:

Я еще в детстве выучил наизусть монолог Скупого рыцаря у Пушкина; выше этого, по идее, Пушкин ничего не производил! Тех же мыслей я и теперь.

“Но ваш идеал слишком низок, — скажут с презрением, — деньги, богатство! То ли дело общественная польза, гуманные подвиги?”

В своей “идее”, Аркадий Долгорукий рассуждает об абсолютной силе денег так:

... деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество. Я, может быть, и не ничтожество, но я, например, знаю, по зеркалу, что моя наружность мне вредит, потому что лицо моё ординарно. Но будь я богат, как Ротшильд, — кто будет справляться с лицом моим и не тысячи ли женщин, только свистни, налетят ко мне с своими красотою? Я даже уверен, что они сами, совершенно искренно, станут считать меня под конец красавцем. Я, может быть, и умён. Но будь я семи пядей во лбу, непременно тут же найдётся в обществе человек в восемь пядей во лбу — и я погиб. Между тем, будь я Ротшильдом, разве этот умник в восемь пядей будет что-нибудь подле меня значить? Да ему и говорить не дадут подле меня!

Механизмы развития материального мира, основанные на материальных потребностях и техническом прогрессе, несомненно, сильнее всех искусственных государственных построений, но так ли всецельна власть денег? Деньги величайшая движущая сила, но “скупой рыцарь” из трагедии Пушкина не стремится ни к какому прогрессу. Его целью является лишь спокойствие и осознание своего могущества. Его деньги совершенно мертвы, хотя и получены на чувствах и переживаниях. Барон приводит пример вдовы, которая отдала ему старинный дублон прежде полдня воя перед ним с тремя детьми. Но разве можно демонстрацией своих страданий уговорить банк, чтобы тот простил долги? В лучшем случае он посоветует обратиться в какой-нибудь благотворительный фонд. Барону нужно только сознание своей мощи, ему незачем переустраивать мир.

Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смирненно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползёт окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне всё послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...

Скупой рыцарь желает только спокойствия, в его руках

¹⁶Лк. 8:32-36

деньги мертвы, однако, как распорядится этими деньгами его молодой сын, думающий только о драках и турнирах? Если первый скопил огромную мощь, то второй наверняка не глядя разбазарит её попусту. Книга Достоевского “Подросток” анализирует какова истинная сила денег. Так ли они всевластны и можно ли купить за деньги всё что угодно, включая любовь? Материальный закон жизни определяет развитие цивилизации и в то же время, в некоторых случаях, он уступает законам жизни, развивающим душу.

В трагедии “Скупой рыцарь” главные герои — отец и сын. Отношение обоих к деньгам не может вести ни какому прогрессу и развитию. Если цель отца лишь спокойствие и холодное созерцание собственной силы, то сын готов потратить любую сумму на красивый меч или щит для турнира, на котором его просто могут убить. В “Подростке” тоже нарисованы отец и сын, где сын Аркадий стремится к идеалу “скупого рыцаря” Пушкина, то есть к холодному спокойствию, а отец Версиков, пространно рассуждающий о “золотом веке”, без особых угрызений совести теряет несколько состояний несмотря на то, что его близкие родственники сильно нуждаются в деньгах. **Число “4”**, соответствующее четвёртому роману Достоевского, должно иметь отношение к законам материального мира и прежде всего к закону о хлебах. Однако, этот закон серьёзно отличается от тех же законов “классовой борьбы” Маркса.

5. “Сцена из Фауста” ⇔ “Братья Карамазовы”

Если жизнь подчиняется строгим законам, то кажется, чего проще устроить самый идеальный и правильный мир, какую-нибудь мечту социалистов-утопистов. Каждый в таком мире будет знать, что делать, являясь винтиком общего наиболее правильного механизма. Однако, оказывается, что живые организмы не могут и не должны подчиняться тем правилам, по которым живёт неорганический мир. В повести “Записки из подполья” главный герой рассуждает что когда будет достигнуто состояние всеобщего счастья – “выстроится хрустальный дворец”¹⁷, и “прилетит птица Каган”¹⁸ он не удивится

если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливой физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам всё это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!

¹⁷В книге Чернышевского “Что делать?”, в четвёртом сне Веры Павловны описано “чугунно-хрустальное” здание-дворец, в котором, как это представлялось и Ш. Фурье (“Теория всемирного единства”, 1841) живут люди социалистического общества. Моделью для изображения этого дворца послужил хрустальный дворец в Лондоне.

¹⁸По народному преданию, эта легендарная птица приносит людям счастье. Здесь и выше цитаты из повести Достоевского “Записки из подполья”

Состояние абсолютного счастья, когда уже всё решено и больше некуда стремиться, тождественно смерти. Для “Скупого рыцаря” состояние полного спокойствия и осознания своей силы и возможностей естественно. К такому состоянию стремится любая физическая система по принципу “наименьшего действия”. Таким же мировоззрением обладает Мефистофель у Пушкина. Когда Фауст жалуется ему на скуку, бес не видит в ней ничего особенного:

Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот наслаждался через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Но скука Фауста значительно серьёзнее, чем может показаться на первый взгляд. Когда Мефистофель даёт ему всё, что тот захочет, жизнь теряет всякий смысл. Если в компьютерной игре включить режим “бога”, когда персонаж может одним мизинцем убивать самых сильных монстров, то игра заканчивается, поскольку пропадает всякий интерес в неё играть. Гретхен для Фауста приворожил бес, а поэтому даже в минуты “когда не думает никто” обладание девушкой было Фаусту совершенно безразлично. Жизнь заявляет свои права тем, что не подчиняется законам материального мира. В реальном мире живых существ, материальная выгода не всегда является определяющей. Война за независимость колониальных государств часто не приносит экономической выгоды и покровительство больших братьев никогда не бывает вечным. Многие выбирают право умереть свободными, чем жить на коленях. Живые существа для декларации своей независимости иногда могут *допускать ошибки сознательно* — только для того, чтобы обозначить свою свободу от правил.

Куликовская битва может показаться совершенно нелогичным событием с точки зрения материальной выгоды, не смотря на формальную победу. Вместе с огромными потерями эта битва разозлила монголо-татар, которые вскоре нанесли страшный удар по Москве¹⁹. Но на битву шли представители разных княжеств, объединившиеся на борьбу против ига, а обратно возвращался уже единый народ. Живое в отличие от мёртвого не всегда стремится к состоянию максимального покоя, поэтому “великая тишина” на Руси в XIV веке не могла не закончиться страшной битвой. После многих столетий исповедания Православия, после революций 1917 года, Россия несколько десятков лет жила с идеологией, полностью отрицающей существование богов, и увлекла за собой треть земного шара.

¹⁹Шабуйло Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского.

Пятая книга Достоевского “Братья Карамазовы” демонстрирует множество ситуаций, когда желание свободы идёт в разрез с общепринятыми и установленными порядками. Девушка Лиза находится в инвалидной коляске и поэтому сильно ограничена в возможностях. В таком состоянии её мысли становятся очень деструктивны. Это описывается в главе “Бесёнок”. Когда старец Зосима был низведен из статуса святых в простые смертные поскольку после смерти от него пошёл тлетворный дух, Алеша был готов нарушить все свои правила и обеты – пить шампанское и идти в гости к Грушеньке. После рассказа Ивана о жестокости помещика, затравившего собаками маленького ребёнка на глазах матери, на вопрос что делать с помещиком Алеша отвечает: “Расстрелять!”. Федор Карамазов так рассуждает о вопросе существования бога и бессмертия:

Господи, подумать только о том, сколько отдал человек веры, сколько всяких сил даром на эту мечту, и это столько уж тысяч лет! Кто же это так смеётся над человеком?... Черт возьми, что б я после того сделал с тем, кто первый выдумал бога! Повесить его мало на горькой осине.

Великий Инквизитор ясно объясняет своему собеседнику, напоминая Иисуса, что тот, на ком основано всё здание веры не имеет права сказать и одного нового слова, поскольку это разрушит церковь Инквизитора. И если действия Инквизитора подчиняются строгим законам развития материального мира включающих хлеба, чудо и меч кесаря, то, как только “сверх-разум” проявит признаки жизни и скажет несколько слов, как “валаамова ослица”²⁰, то это будет деструктивным действием, нарушающим привычный ход событий, что свойственно только живым организмам. Это прямая аналогия потопления испанского корабля Фаустом из трагедии Пушкина.

Если “сверх-разум” стоит перед задачей сказать “новое слово” или написать “новейший завет”, он прекрасно понимает, что это может привести к фатальным последствиям для многих мировых идеологий. Главные его вопросы здесь: “тварь я дрожащая или право имею?”, “оправдывает ли цель средства?” и “смогу ли я нагнуться и поднять?”. Здесь мы возвращаемся к первой книге Достоевского “Преступление и наказание” и соответственно проблеме Сальери. Книги Достоевского замкнулись сами на себя.

ИТОГИ. ПОЛИФОНΙΑ И МОНОФОНΙΑ.

Десять заповедей Библии не вполне однозначны: существует несколько их версий²¹, однако они несут вполне конкретную идею существования объективного нравственного закона, то есть свода правил, которые “не доступны звону злата”. Полифония, найденная Бахтиным в творчестве Достоевского, говорит об отсутствии в его книгах авторского мнения. Каждый персонаж имеет свой

собственный независимый голос. Это говорит об особом таланте писателя не мешать своим героям, чтобы психологический и этический анализ каждой ситуации можно было сделать проще и нагляднее. Если существует смысловая корреляция между творчеством Пушкина и книгами Достоевского, это доказывает монофонию их творчества как целого — все это написал один сверх-разум, дав каждому писателю независимость и относительную свободу. Но это также и полифония — каждый писатель и его герои имеют свой собственный голос.

Аналогом первых пяти заповедей может быть тематика книг Достоевского, где каждую тему можно обозначить номером соответствующей книги по хронологии. Если свести всё вместе, то получится следующее:

1. Первым номером стоит идея объективного нравственного закона. Этот закон не должен зависеть от наличия или отсутствия богов, даже если был сформулирован сверх-разумом. У Достоевского эта тема рассмотрена в книге “Преступление и наказание”.
2. Вторым номером стоит идея образов и кумиров, а также какую роль они играют в жизни людей и развитии общества. Книга “Идиот”.
3. Третьим номером стоят чувства, самая уязвимая сторона человека, благодаря которой некоторые умельцы могут управлять целыми народами уполабляющимися бедному мотыльку, бьющемуся в руках у шалуна. “Бесы”
4. Четвёртая тема включает принципы развития материального мира и прежде всего “хлебов”, за которыми большинство человечества бежит “как стадо”. У Маркса это была “классовая борьба”. “Подросток”.
5. Пятый пункт обсуждает нарушения законов материального мира, как декларацию живого существа на свободу и независимость. Это те исключения, благодаря которым может развиваться человеческая душа и всё живое. “Братья Карамазовы”

Четвёртый и пятый пункты в некотором смысле противостоят друг другу – развитие материального мира (4) часто деструктивно для развития духа и наоборот развитие духа может быть деструктивным по отношению к материи (5). Благодаря чувствам (3) возникают кумиры (2), но кумиры побеждаются объективным нравственным законом (1). Анализируя восемь глав Евгения Онегина, можно добавить ещё три цифры, но это тема для отдельной статьи.

²⁰ Чис. 22 :21-34

²¹ Исх. 20:2-17; Втор. 5:6-21, Исх. 34:14-26